научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 004+303+308

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КРИТИКЕ ПОЗИТИВИЗМА

ПОЧЕБУТ СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный элек-тротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), кафедра философии, Санкт-Петербург, Россия, sniper2711@yandex.ru

Ключевые слова:
позитивизм
эмпиризм
логика
объективность
ценность
эпистемология
метафизика
социальное действие
детерминизм

Аннотация:
Современная эпистемология науки осуществила решительную критику доминирующих взглядов позитивистской и неопозитивистской модели знания и фактически подорвала ее авторитет. На рубеже вот уже нескольких веков позиция позитивизма испытывает значительные теоретико-методологические трудности в объяснении характера общественной жизни и перспектив социально-исторического развития. В силу этого, приобретает особую значимость исследование современных подходов к критике такого направления, как позитивизм с особым указанием значимости социально-гуманитарного знания для понимания процессов, происходящих в современном обществе. Методологически работа базируется на социально-философском анализе первоисточников и исследовательской литературы. На протяжении длительного периода времени преобладание механистического, материалистического и детерминистского взгляда на мир, введение расчета, измерения и точности в качестве основных методологических принципов науки, вооруженное постулированием количественно определенных сущностей, сформировало не менее характерную социальную этику. Абстрактные схемы, формалистские методы, универсальные идеи и понятия подчинили все тождественной логике автономного субъективного разума и его основному предикату – интеллектуалистской воле к власти. XXI век вместе с ярой критикой позитивизма во многих его проявлениях отчетливо доказывает нам в результате глубокого анализа позитивистских подходов, что окружающая нас реальность гораздо ближе к хаосу, чем к космосу. Таким образом, результатом исследования является обозначение особой значимости социально-гуманитарного знания в XXI веке для исследования процессов, происходящих в обществе, с одновременным признанием неспособности точных наук описывать социальные действия. Будучи противоположными по методу подходы к изучению общества, они совпадают по цели, каковой является достижение состояния недвойственности – отсутствия разделенности на субъект и объект по исчерпании самости. Такой опыт автор полагает предельным для

человеческого существования одновременно с утверждением его хаотичности и недетерминированности в развитии.

© 2019 Петрозаводский государственный университет

Получена: 01 ноября 2019 года Опубликована: 03 декабря 2019 года

Введение

Современная философия (эпистемология) науки с участием К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, А. Хансона и других исследователей осуществила решительную критику доминирующих взглядов позитивистской и неопозитивистской модели знания и фактически подорвала ее авторитет. Одновременно с этим, стоит обратить внимание на тот факт, что в современной литературе уделяется недостаточно внимания данной проблеме, тогда как на рубеже двух веков позиция позитивизма испытывает значительные теоретико-методологические трудности в объяснении характера общественной жизни и перспектив социально-исторического развития. Позитивистов критиковали представители классической школы, приверженцы теории социального действия. Критика позитивизма связана, по крайней мере, отчасти, с критикой детерминизма. Позитивизм изображается как подход, согласно которому ко всем областям исследования применим один-единственный научный метод. Точные науки принимаются позитивизмом за стандарт достоверности и точности для всех дисциплин. Позитивисты полагают, что знания по сути своей нейтральны. Они считают, что могут вынести человеческие ценности за рамки своей научной деятельности. Эта вера, в свою очередь, приводит к мнению, что в задачи науки не входит защита какого-либо конкретного вида социального действия, что делает проблему крайне актуальной в XXI веке, поскольку на науку как на социальный институт возлагают большие надежды, полагая, что именно ей предстоит решить наиболее сложные социальные задачи, стоящие перед современным обществом.

Материалы и методы. Представленные в работе выводы опираются на методологию философии науки, философской антропологии и социальную философию. Эти компоненты проявляются в изучении современных подходов к критике позитивизма, глубоких для человеческого сознания переживаний и анализу процессов, происходящих в современном обществе, невозможности описания социального действия методами точных наук. Исследование базируется на материале философской литературы, относящейся как к первоисточникам (И. Канта, И. Ньютона, В. Брумберга), так и к научным исследованиям по теме (К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Э. Хансона, П. Дюэмма, У. Куайна и др.).

Результаты исследования. Изложение результатов исследования целесообразно начать с уточнения того, что именно в настоящее время понимается под критикой позитивизма, а для этого необходимо последовательно изложить современные критические подходы к этому феномену.

Для начала, рассмотрим наиболее важные подходы к критике позитивизма, которые сосредоточены на его фундаментальных принципах.

Сциентизм

Сциентизм или единство научного метода. Позитивистская методология не видит никакой разницы между естественными и социальными науками. Принятие же единства научного метода принимается в тандеме с понятием преобладающей роли естественных наук, в которой общественные науки видят свою модель. Результатом является то, что мы называем сциентизмом, то есть взгляд, что только естественные науки могут производить семантическую интерпретацию знания.

Далее проанализируем критику, обращенную к парадигме позитивистского и натуралистического знания. Все мыслители и все течения социальной теории, противоположные позитивизму, сходятся в следующем: метод естественных наук не может быть перенесен в общественные науки потому, что объектом изучения социальных наук является предварительно интерпретированный мир событий, то есть социальный мир, в котором категории опыта уже сформулированы и через контекст ноэматико-семантического поведения человеческих субъектов и происходящих коммуникативных взаимодействий. Исследователь не является простым наблюдателем природных явлений, а участвует в качестве активного социального субъекта в исследуемых им символико-семантических системах. Необходимым следствием этого является то, что он не может изучать социальные события «извне», как если бы последние были просто «объектами», что, само по себе, нарушает главный философский принцип – принцип объективности. В таком случае, цель исследования – интерпретировать и понять оправдания, ожидания и множество способов, через которые проходят человеческие субъекты в своих

социальных взаимодействиях, а также то, как этот опыт влияет на них.

Исследователь может понять человека, потому что он является частью социального мира, а также «субъектом» своего исследования. Таким образом, его герменевтические усилия не могут достичь идеологической или оценочной нейтральности.

Целью исследователя является не поиск законов, управляющих поведением человека или социальным миром, а понимание их значения и открытие социальных и психологических предпосылок, которые способствовали формированию характеру первого.

Исторические и социальные явления уникальны и недостижимы, связаны с ценностями и целями, в то время как природные явления связаны с причинно-следственными связями. Как результат, исследователь не может сформулировать законы и перейти к проекциям. Намерение позитивистского подхода – открыть некие общественные «законы» превращает философию в технологию.

Применительно к рассматриваемому вопросу феноменологическая герменевтика Ганса Георга Гадамера и Мартина Хейдеггера ввела понятие понимания как онтологической предпосылки человеческого общества. Понимание предшествует познавательному процессу субъекта, и именно в этом смысле исчезает различие между естественными и социальными науками. Понимание формирует архетипическое экзистенциальное состояние бытия и связано с потенциальностью бытия как темпоральностью, являющейся структурным элементом человеческого существования. С этой точки зрения смысл фразы «бытие-в-себе-есть время» состоит в том, что природа человеческого существования заключается в его историчности, а темпоральность буквально «в мире» [2]. Историчность жизненного мира есть априорное условие, делающее возможным познание и самосознание. Через герменевтический процесс понимание возникает как специфический способ, которым историчность природы принимает свою форму.

Идеал объективного знания, беспристрастия и предвидения как цели модернистской мысли и их связи с методом естественных наук отвергается и опровергается. Любая когнитивная операция по преимуществу является герменевтической деятельностью. Интерпретатор предрасположен к историческому жизненному миру, который обосновал его существование. И даже если мы попытаемся провести различие между естественными и социальными науками как разделением методов и инструментов, герменевтический опыт не может быть отделен от методологического исследования. В результате этого идеал исторической, объективной и универсальной истины подвергается серьезному испытанию, а исторический характер знания и интерпретации выходит на первый план. Феноменологическая герменевтика Г. Хайдеггера и М. Гадамера лежит параллельно с новейшими достижениями философии науки Р. Бхаскара, вещи существуют и действуют независимо от наших описаний, но мы способны познать их только через конкретные описания. Описания существуют в мире человеческого общества, объекты – в мире природы [7].

Физиократия и феноменократия

Для позитивизма объектом научного метода является внешняя реальность, а науко-наблюдаемые природные явления. Этот взгляд влечет за собой, с одной стороны, физиократию, то есть признание физиоэмпирического происхождения знания, а с другой – объективизм, то есть принятие объективного и самосохраняющегося существования явлений.

Ответ на предыдущие аргументы строится на позиции, известной как недетерминированность теории из эмпирических указаний и теоретическое взвешивание действия наблюдения. Оба эти критических вызова позитивизму родились из контекста конвенционализма, который исторически поставил первый главный пункт оппозиции позитивизму (или, скорее, редукционизму). Основной эпистемологический принцип конвенционализма гласит, что законы науки (такие как ньютоновская механика) и аксиомы математики (такие как евклидова геометрия) не являются экспериментальными обобщениями, ни априорным знанием, но конвенциями или лингвистическими определениями. Французский философ науки Анри Пуанкаре считается главным сторонником конвенционализма. Его основные идеи содержаться в книге «О науке», состоящей из четырех произведений выдающегося французского математика «Наука и гипотеза», «Ценность науки», «Наука и метод» и «Последние мысли», которые посвящены рассмотрению путей познания в математике, механике и физике [6].

Позиция недетерминированности отвергает возможность чисто эмпирического определения теории, то есть отвергается возможность теоретической схемы, лежащей в абсолютном согласии с опытом. Обоснование тезиса недетерминированности основано на некоторых аргументах, разработанных П. Дюэмом и У. Куайном, и благодаря этому он также известен как тезис Дюэма-Куайна (несмотря на то, что зависимые взгляды исследователей не всегда совпадают) [9].

Теперь рассмотрим тезис, который также первоначально был выдвинут П. Дюэмом. Он звучит так:

«Физик никогда не может подвергнуть контролю опыта одну какую-нибудь гипотезу в отдельности, а всегда только целую группу гипотез. Когда же опыт его оказывается в противоречии с предсказаниями, то он может отсюда сделать лишь один вывод, а именно, что, по меньшей мере, одна из этих гипотез неприемлема и должна быть видоизменена, но он отсюда не может еще заключить, какая именно гипотеза неверна» [3]. Из этой формулировки тезиса, в частности, следовало, что в силу системного характера организации фундаментальных теорий в принципе невозможен «решающий эксперимент», который позволял бы однозначно их подтвердить или опровергнуть. Таким образом, становится невозможным окончательно определить истинность любой фундаментальной теории. В дальнейшем эта идея развивалась Т. Куном, П. Фейерабендом, Д. Бомом, Э. Хансоном, С. Тулмином.

Сама так называемая теория наблюдения, обычно понимается как двоякое понятие: а) что наблюдения включают в себя сопутствующий набор гипотез, которые появляются в форме теории познания, психологии наблюдения, лингвистических упорядочений и т. д.; б) в том смысле, что то, что считается относительным и предшествующим эмпирическим указанием, частично основано на теории, к которой приходит само эмпирическое указание.

Первое понятие соответствует тезису о недостаточном завершении теории. Следствием теории наблюдения является то, что ученые в принципе могут с подозрением относиться к определенному наблюдению и оспаривать обоснованность его составляющих гипотез. Второе понятие теории – наблюдательность – имеет некоторые интересные последствия для роли наблюдения в выборе теории. Согласно этой концепции, очевидно, что наблюдения не могут функционировать в качестве объективных судей при выборе теории, когда в то же время важность и характер первой, а также их собственные оценочные и измерительные способности зависят от конкурирующих теорий. Именно таким образом теоретически нагруженные наблюдения могут привести к противоположным выводам (в смысле Т. Куна). Кроме того, даже если сторонники разных теорий согласятся с важностью критического эксперимента, очевидным предположением будет то, что различные теоретические приоритеты ученых будут различать природу их собственной оценки, а также среды, используемые для достижения этой оценки. Поэтому мы видим, что тезис о наблюдении создает предпосылки для существования различных научных приоритетов. И именно в рамках намерений социальных исследований науки, анализа этих различий в рамках определенных научных практик.

Эмпиризм

На основе позитивистской эпистемологии закладывается эмпирическое наблюдение (критерии верификации), которое формируется экспериментальным методом. Самоочевидное признание положительного характера опыта как исключительного критерия истины является характерной чертой позитивизма во всех формах греческой и западной философской традиции. Карл Поппер в 1930-х годах выступил против позитивистской ратификации и отверг индуктивный метод. Чтобы найти выход из тупика индуктивизма, он представил альтернативный метод вывода, который заменяет принцип верификации принципом фальсификации [2]. Эпистемологический метод Карла Поппера, основанный на предположениях и формулировках, также известен как фальсификационизм, или метод проб и ошибок. В этом методе наука не начинает с наблюдений для того, чтобы пройти путь индуктивных умозаключений, согласно индуктивистской позиции. В отличие от позитивистского взгляда, он исходит из определенных гипотез, которые подвергаются эмпирической проверке, и ученые пытаются переформулировать их, сохраняя критическую позицию в процессе и экспериментируя с альтернативными гипотезами. Так, вместо индуктивного метода, Поппер предлагает дедуктивный (от общего к частному) через процесс фальсификации (опровержения) гипотезы (или гипотеза).

Научная теория, которая выживает после значительного количества критических исследований и эмпирических тестов, может быть принята на временной основе, а не навсегда, до тех пор, пока не придет время какого-нибудь будущего теста, который ее свергнет. Другими словами, для Поппера никакая теория не поддается проверке, она может иметь только высокую степень эмпирической силы, что подразумевает, что все научные теории в принципе фальсифицируемы. Кроме того, существует много теорий, которые продолжают признаваться, несмотря на то, что их обоснованность уже серьезно оспаривается. Примером таких теорий может служить ньютоновская механика. Теория Ньютона имела чрезвычайное согласие с наблюдением и экспериментом во время своего появления (1687) до 1900 года. Но в первые двадцать лет XX века его обоснованность была поставлена под сомнение с новой точки зрения релятивистской механики [5], однако не была оставлена без внимания. Аналогичная ситуация существует для евклидовой геометрии, которая считается действительной для Земли, но не для Вселенной.

Объективность ценностного безразличия

Наука, с точки зрения позитивизма, не должна заниматься какими-либо ценностными суждениями об объекте исследования. Это объективная деятельность, лишенная какой-либо социальной или моральной ценности. Его миссия состоит в том, чтобы сосредоточиться только на эмпирических фактах, из которых, как полагают позитивисты, никакие ценности не могут быть получены. Кроме того, поиск объективной истины с единственной целью эмпирической проверки, независимо от морали и собственной совести. Генеалогия вышеприведенного аргумента восходит к английскому эмпиризму Инициалы Юма и к различию между фактами и ценностями, которое он ввел в дискуссию о знании. Абсолютное разделение между фактами и ценностями имело близкое сходство с реалистической теоретизацией внешнего взгляда «со стороны Бога». Вся греческая и западная метафизическая традиция основывалась на твердой вере в то, что ум отражает независимый внешний мир, что утверждения (суждения) знания основаны на мире и что объективность суждений понимается через призму вечности. Однако в современной мысли ум не представляет пассивно независимого, статичного и концептуально детерминированного мира, функция ума состоит в активном вмешательстве, преобразующем этот «мир», и этим действием ум преобразует и себя в непрерывном взаимодействии. Мир «по своей сути» определен и неопределен, он допускает неограниченное количество определений. Претензии на знание сплетаются в контексте «жизненного мира» человеческих субъектов в данный исторический период. Таким образом, утверждения о знании имеют исторический и временной характер, и таким образом оспаривается концепция мира, рассматриваемого под призмой вечности. Взгляд на абсолютную теоретизацию мира и эпистемологическое утверждение универсальной истины еще более деконструируется развитием современной физики, которая признает, что любая теория является перспективной.

Из этого анализа мы видим, что традиционный фундаментализм и сведение к конкретным убеждениям были серьезно подорваны. Признается, что интенциональная деятельность сознания однородна, социально и исторически детерминирована, и поэтому различие «факты-ценности» становится скорее логическим различением, чем родовым или причинным. Иными словами, сегодня для нас важен не онтологический, а аналитический характер этого различия. В сущности, это конец метафизического и идеалистического разделения между «бытием» и этикой в сфере онтологии (в которой «бытие» было автономно субъекту), однако это разделение сохраняется как методологический принцип философского и научного мышления.

Инструменталистские знания

Эмпирическое взвешивание теории по позитивизму автоматически приводит к инструментальному пониманию науки. Наука, таким образом, понимается как полезный инструментарий, который может быть одинаково хорошо применен к различным случаям. Акцент на инструментальную и, следовательно, нейтральную роль науки скрывает политически консервативную и анахроничную позицию, которая выступает за превосходство науки по отношению к другим формам познания и легитимирует обращение к доминирующему положению профессиональных и институциональных органов специалистов науки, продвигая в процессе идеологию правящего класса и его собственные интересы. Инструменталистский взгляд на науку основан на идеологическом инвестировании зрелого рационализма, который нацелен на достижение целей и увеличение власти в рамках буржуазной культуры и ее механизма капиталистического управления, а не на создание ценностей, которые стремились бы к расширению человеческой солидарности, межсубъективного сознания и взаимопонимания.

Каковы объективные критерии, с помощью которых мы будем оценивать превосходство научного знания над другими формами знания? Какой бы критерий мы ни использовали, он сам будет критически зависеть от требований знания, придающих ему смысл; на данный момент нет объективных и нейтральных критериев оценки любой формы знания. Любая попытка защитить верховенство определенной формы знания маскирует волю к власти и авторитету. Многообразие форм познания и языковых форм, их обозначающих, носит не онтологический, а аналитический характер, и об этом говорят, потому что все формы познания и специфические типы языка, их характеризующие, являются символическими конструкциями-классификациями, а не объективными фактами природного мира. Любая форма знания и языка сводится к определенному способу исследования мира и имеет свою собственную самореферентную структуру, свою внутреннюю логику.

Критериями диверсификации является цель, к достижению которой стремятся эти формы, и средства, с помощью которых они это делают. Кроме того, стоит подчеркнуть, что преобладание научной модели приводит к понижению до уровня неистинности всех других возможных способов познания, кроме тех, которые согласуются с методом науки. Метод – это интеллектуальная и

экспериментальная конвенция, которую субъект применяет к определенному объекту, производя таким образом результат, который оценивается как истинный. Эстетическая совесть и искусство, например, обладают свободой не быть классифицированными как истинные или ложные, и поэтому их последующие суждения не могут быть опровергнуты или отвергнуты. Эти суждения, однако, обязательны для лиц, участвующих в их жизненном мире, и, что более важно, эти суждения не несут никакой интенциональности. В искусстве, субъект формирует объект и ретроспективно, формируют объект. Таким образом, чувство отношения является конструктивным элементом не только онтологии искусства и эстетики, но и современной онтологии науки.

Эпистемологические проблемы современного научного знания

Коперниканский переворот, о котором рассуждает Кант во втором издании «Критики чистого разума», предполагает накопительное развитие знания, представление о том, что человеческое знание развивается и прогрессирует линейно [4]. С другой стороны, критика, обращенная к этой позиции, рассматривает любую философскую и научную революцию как просто иную форму знания, необязательно высшего характера. Философские аргументы, которые были выдвинуты в защиту вышеуказанного утверждения, сформулировали релятивистскую теоретизацию знания и могут быть обобщены следующим образом: а) опыт и данные наблюдений, а также экспериментальный результат – это теория.

б) асимметрия научных теорий. Объективное сравнение двух теорий предполагает существование языковой среды, в которой излагаются их положения. Однако развитие языка влечет за собой соответствующие изменения в языке, используемом для формулирования научных теорий, что приводит к асимметрии между языками, используемыми учеными в разные исторические периоды. Таким образом, некоторые предложения предшествующего языка невозможно сформулировать в соответствии с терминами и условиями последующего языка, и в этом смысле невозможно охарактеризовать их апостериори как истинные или ложные.

в) положение о недетерминированности теории, т. е. положение о том, что данные наблюдений и эмпирические наблюдения в целом не определяют в одностороннем порядке одну и ту же научную теорию. Существует множество теорий (по существу бесконечных), совместимых с конечным количеством данных. Это явление, с которым мы часто сталкиваемся в научной практике.

г) позиция Дуэма-Куайна, согласно которой наблюдение и эксперимент управляют набором гипотез и теорий, но никогда не изолированной гипотезой. Когда экспериментальные результаты противоречат набору исходных гипотез, которые формируют этот результат, мы знаем, что одна или несколько из них ложны. Однако мы не можем точно знать, какой именно. В этом случае мы можем изменить некоторые из этих гипотез, чтобы восстановить соответствие между наблюдением и теорией. Это дает нам возможность сохранить гипотезу, которая на первый взгляд кажется фальсифицированной наблюдением и экспериментом.

Релятивистская теоретизация философии науки проблематизировала и поставила под сомнение веру в то, что сравнительная оценка научных теорий управляется объективными критериями, а также подчеркнула важность нерациональных сил в игре при «построении» научной теории. Допущение субъективного, случайного и случайного элемента при формулировании научной теории не приводит к отказу от понятия научной рациональности; тем не менее, это смягчает крайнюю рациональную веру в линейный прогресс науки, который ведет к единственной истине, к созданию уникальной теории, которая представляла бы «взгляд из ниоткуда» (Томас Нагель) [8]. Но также и крайняя релятивистская убежденность в отсутствии прогресса может быть эмпирически опровергнута тем фактом, что научные теории и рациональные процессы, которые их создают, приводят к проверяемым проекциям. Эффективность научных теорий широко заметна благодаря их технологическому применению, которое приводит к трансформации природы. Если бы эффективность научных теорий не достигалась также и рациональными методами, мы, несомненно, говорили бы о необъяснимом чуде. Как мы видим в предыдущем обсуждении, история и философия науки характеризуются опровержением в той же мере, что и утверждением: противоположно положению о существовании интерсубъективных и вечных критериев/ценностей, управляющих научной деятельностью, лежит тезис, который поддерживает современное, локальное и субъективное выражение всех этих критериев.

Рациональность научной мысли, которая оправдывает непрерывное развитие научно-технического прогресса, сталкивается с нерациональным и условным, с антиэволюцией научного прогресса. Указанные антитезы приобретают смысл в рамках формально-догматического ядра разума (метафизического происхождения), противостоящего рациональному и нерациональному элементу человеческого познания, необходимости-случайности, неожиданному и интеркалярному элементу.

Онтология-метафизика, установленная современной философией природы, является реляционной (единообразной и дифференциальной), и в этом смысле вышеупомянутые антитезы отвергаются: необходимость и непрерывность, случайность и прерывность, причинность и нормальность, неопределенность и случайность, актуальность и универсальность, синхронность и диахронность – все они дополняют друг друга и объединяются в открытое единство, спирально разворачивающееся из панхроничности мира. Более того, критика, возникшая в контексте реляционного убеждения в знании, восстановила и утвердила нерациональное измерение познания в качестве формирующего агента научного открытия. Воображение, интуиция, инстинкт, эмпатическое понимание опыта или психологический элемент вместе с рациональным превосходят платоновскую и картезианскую метафизику тела и ума и выделяют единообразную и дифференцированную работу мысли: телесность, эмоции и ощущения, интуиции и озарения, способности воображения, рациональная и рефлексивная сила, личное переживание опыта и испытания практики – все это составляет одно, что является радикальным воображением, что составляет условие существования и предпосылку человеческой деятельности.

Вышеприведенное критическое изложение влечет за собой отмену гуманистической веры, характеризующей мысль Гегеля и Канта, то есть убеждения в том, что эпистемический и эпистемологический прогресс принесет также социальный и исторический прогресс. У современных мыслителей убежденность в эволюционной и прогрессивной природе знания, а также опора на непрерывное нравственное совершенствование человечества решительно отвергаются. Конечно, убеждения гуманистической традиции, связанные с эволюционной и линейной природой знания, основаны на ньютоновской детерминистской физике, провозгласившей линейное и однозначное понятие времени. Убежденность в эволюционном и прогрессивном характере научного знания питала надежду на социально-исторический прогресс и освобождение человека от психологического и социального рабства, как они формировались в рамках мифорелигиозного образа мира, а также освобождение от ограничений природы. Деконструирующий и демистифицирующий эффект научной речи, рациональная интерпретация, организация и перестройка естественного мира, мира, допускающего бесконечное и неисчерпаемое определение, привели к разрыву с первобытным отношением человека к природе и отказу от непосредственности и натурализма жизни.

За метафизической антитезой техники и искусства

Этот новейший человек XXI века является отрезанным от порядка природы и зарекомендовал себя как рационально размышляющий и действующий, именно размышление и действие сейчас лежат в основе отношения субъекта и его познавательной и практической деятельности. Цивилизация конституируется как продукт человеческой деятельности, как артефакт и технический конструкт. С этим развитием человеческая цивилизация трансформируется в «квази-природу», стремящуюся исправить и заменить природу настоящую, а сам человек принимает природу технического существования. Под «техническим существованием» понимается преобладание одномерного образа человеческой личности как производителя рациональных гипотез и интерпретаций, понижение и деградацию нерационального элемента человеческого существования, то есть радикального воображения как творческой способности, формирующей априорное условие и предпосылку социальной активности. Этот конституитивный элемент современного мира (человек как производитель рациональных гипотез) и его связь с идеологией технонаучного прогресса и эволюцией машины, преобразующей методы и теории естественных наук, вооружая их новыми инструментами и постоянно обновляя их исследовательские и экспериментальные возможности, привели, наконец, к замене религиозных и метафизических догм слепой верой в догмат технического и научного прогресса.

Преобладание механистического, материалистического и детерминистского взгляда на мир, введение расчета, измерения и точности в качестве методологических принципов науки, вооруженное постулированием количественно определенных сущностей, сформировало не менее характерную социальную этику. Абстрактные схемы, формалистские методы, универсальные идеи и понятия подчинили все тождественной логике автономного субъективного разума и его основному предикату – интеллектуалистской воле к власти.

Обсуждение

Таким образом, значение научных результатов проведенного исследования состоит в том, что в нем была проанализирована проблема позитивистских подходов к изучению науки, к анализу социальных действий, к взаимосвязи субъекта и объекта в процессе познавательной деятельности. Результатом этого процесса была недооценка или игнорирование отношения и различия между субъектом и объектом, между разумом и природой, тождеством и инаковостью, субъектом и объектом,

всеобщим и частным. Таким образом, однако, разнообразие качеств любого вида устраняется, отличительная особенность инаковости отвергается, непосредственный и вечный, неидентифицируемый элемент отбрасывается. Короче говоря, все, что не могло быть представлено и обозначено в измерении формальной логики интеллекта и характерной повторяемости этой логики, считалось несуществующим, тем, что является строго психодуховным, экстраординарным, уникальным, неповторимым элементом, который дифференцирует человеческие существа, цивилизации и сущности и придает смысл и смысл их существованию. Конечно, метафизическое и идеалистическое различие между «формально-логическим» и «строго психодуховным» относится к более широкой западной метафизико-идеалистической традиции, отличающей материальное от духовного, рационалистическое от темпераментного, технику от искусства, теорию от практики, коллектив от индивида. Это различие проистекает из западной мысли, и ее позитивный элемент, предполагающий, что бытие онтологически определено, управляется имманентной рациональностью, что она полна смысла и допускает тщательную проверку и определение со стороны человеческого разума, имеющего аналогичные характеристики.

Заключение

Из проведенного анализа становится ясно, что наш мир, как его объясняют в контексте натурфилософии, не определен так, как он рассматривался во всей западной метафизической традиции, и техника как полностью рациональная деятельность не способна приобрести глубокое знание своего «субъекта». Напротив, наш мир – это хаос или бездна, радикально неопределенная и неисчерпаемая, создающая способы наделить жизнь смыслом с самого ее начала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Брумберг В. А. Релятивистская небесная механика. М.: Наука, 1972. 382 с.

2. «Бытие и время» Мартина Хайдеггера в философии XX века // Вопросы философии. М.: Наука, 1998. № 1. С. 110–12

3. Дюгем П. Физическая теория: её цель и строение. М.: КомКнига, 2007. 328 с.

4. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.

5 Поппер К. Р. Логика научного исследования / Под общ. ред. В. Н. Садовского; Пер. с англ. М.: Республика, 2005. 447 с.

6. Пуанкаре А. О науке / Под ред. Л. С. Понтрягина; Пер. с фр. 2-е изд., стереотип. М.: Наука, 1990. 736 с.

7. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Hassocks (Sussex); Atlantic Highlands (New Jer-sey), 1978. 310 p.

8. Nagel Thomas. The view from nowhere. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986. 288 p.

9. The Philosophy of W. V. Quine. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. P. 649–662.

References

1. Brumberg V. A. Relativistic celestial mechanics. [Relyativistskaya nebesnaya mehanika]. Moscow. Science. 1972. 382 p.

2. "Being and time" by Martin Heidegger in the philosophy of the twentieth century // Ques-tions of philosophy. [«Bitie i vremya» Martina Haideggera v filosofii XX veka // Voproci filoso-fii]. Moscow. Science. 1998, no 1. pp. 110-122.

3. Dugem P. Physical theory: its purpose and structure. [Fizicheskay teoria: ee cel’ i stroenie]. Moscow. Komkniga. 2007. 328 p.

4. Kant I. Criticism of pure reason. Russ. ed.: N. Lossky. [Kritika chistogo rasuma]. Moscow. Thought. 1994. 591 p.

5. Popper K. R. The logic of scientific research. Russ. ed.: V. Sadovski. [Logica naychnogo issledovaniya]. Moscow. Republic. 2005. 447 p.

6. Poincare A. About science. France. 1905. Russ. ed.: L.S. Pontryagina. Onayke. Moscow. Science. 2nd ed. 1990. 736 p.

7. Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Hassocks (Sussex); Atlantic Highlands (New Jer-sey). 1978. 310 p.

8. Nagel Thomas. The view from nowhere. New York, Oxford: Oxford University Press. 1986. 288 p.
9. The Philosophy of W. V. Quine. La Salle, Illinois: Open Court, 1986. pp. 649-662.

POCHEBUT S. MODERN APPROACHES TO THE CRITIQUE OF POSITIVISM // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2019. № 1. P. 15–23.

MODERN APPROACHES TO THE CRITIQUE OF POSITIVISM

POCHEBUT STANISLAV

Senior Lecturer,
Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU), Department of Philosophy,
Saint-Petersburg, Russia, sniper2711@yandex.ru

Keywords:
positivism
empiricism
logic
objectivity
value
epistemology
metaphysics
social action
determinism

Summary:
Modern epistemology of science has carried out a strong criticism of the domi-nant views of the positivist and neo-positivist model of knowledge and actual-ly undermined its authority. At the turn of several centuries, the positivist posi-tion has been experiencing significant theoretical and methodological difficul-ties in explaining the nature of social life and the prospects for socio-historical development. Because of this, the study of modern approaches to criticism of such areas as positivism, with a special indication of the importance of social and humanitarian knowledge for understanding the processes taking place in modern society, is of particular importance. The present research is based on the accepted in social philosophy analysis methods of primary sources and re-search literature. Over a long period of time, the predominance of the mecha-nistic, materialistic and deterministic view of the world, the introduction of cal-culation, measurement and accuracy as the basic methodological principles of science, armed with the postulation of quantitatively defined entities, formed no less characteristic social ethics. Abstract schemes, formalist methods, uni-versal ideas and concepts subordinated all to the identical logic of the Autono-mous subjective mind and its basic predicate – the intellectualist will to power. The twenty-first century, together with its strong criticism of positivism in many of its manifestations, clearly proves to us, through a profound analysis of positivist approaches, that the reality around us is much closer to chaos than to space. Thus, the result of the study is the designation of the special im-portance of social and humanitarian knowledge in the XXI century for the study of the processes taking place in society, while recognizing the inability of the exact Sciences to describe social actions. Being opposite in the method of approaches to the study of society, they coincide in the goal, which is to achieve a state of non-duality – the lack of separation into the subject and the object of the exhaustion of self. The author considers such experience to be the limit for human existence simultaneously with the statement of its chaotic and non-deterministic nature in development.